

4. Колобаева Л. А. «Место человека во вселенной...» (философия личности и видение мира в поэзии О. Мандельштама) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 2. С. 3–14.
5. Лекманов О. А. О первом «Камне» Мандельштама. М., 1994. 43 с.
6. Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М., 2001. 735 с.
7. Манн Т. Иосиф и его братья. Том 1. М., 1987. 720 с.
8. Манн Т. Художник и общество: Статьи и письма. М., 1986. 440 с.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. М., 1991. 192 с.
10. Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М., 2008. 600 с.
11. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M., 1957.

REFERENCES

1. Bergson A. Tvorcheskaja evoljucija. M., 1996. 352 s.
2. Brilliantov A. I. Vlijanie vostochnogo bogoslovija na zapadnoe v proizvedenijah Ioanna Skota Erigeny. SPb., 1898. 513 s.
3. Kihnej L. G. Osip Mandel'shtam. Bytie slova. M., 2000. 146 s.
4. Kolobaeva L. A. «Mesto cheloveka vo vselennoj...» (filosofija lichnosti i videnie mira v poezii O. Mandel'shtama) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 1991. № 2. S. 3–14.
5. Lekmanov O. A. O pervom «Kamne» Mandel'shtama. M., 1994. 43 s.
6. Mandel'shtam O. Stihotvorenija. Proza. M., 2001. 735 s.
7. Mann T. Iosif i ego brat'ja. Tom 1. M., 1987. 720 s.
8. Mann T. Hudozhnik i obshchestvo: Stat'i i pis'ma. M., 1986. 440 s.
9. Hajdegger M. Razgovor na proselochnoj doroge: Sbornik. M., 1991. 192 s.
10. Chagin A. I. Puti i lica. O russkoj literature XX veka. M., 2008. 600 s.
11. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M., 1957.

Н. Н. Семененко

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО СТАТУСА ЗАГАДОК КАК ПАРЕМИЧЕСКОГО ЖАНРА

Освещается проблема определения функционально-категориального статуса загадки в аспекте когнитивно-прагматического описания паремической семантики. Выделяются ведущие функции, реализуемые загадками, и анализируется основное коммуникативное назначение паремий данного жанра. В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о ведущей образно-логической функции загадок как средства формирования у носителей языка социально значимых стереотипов в осмыслении окружающей действительности. Проблема категориального статуса загадки ставится в аспекте трихотомии «язык — речь — произведение». Определяется соотношение понятий текста, высказывания и произведения применительно к загадкам как к дискурсивным образованиям. Характеризуется прецедентный статус текста загадки.

Ключевые слова: паремия, загадка, прагматический, когнитивный, текст, произведение, высказывание.

N. Semenenko

THE PROBLEM OF DESCRIBING THE FUNCTIONAL-CATEGORIAL STATUS OF RIDDLES AS PARABLE GENRE.

The problem of defining the functional-categorial status of the riddle in the aspect of cognitive-pragmatical description of parable semantics is regarded. The main functions of riddles are identified and the primary communicative purpose of this genre is analyzed. The hypothesis of the research is that the main image-bearing and logical function of riddles is constructing socially meaningful stereotypes of native speakers when they are interpreting the present day reality. The categorial

status of the riddle can be presented as a trichotomy: language-speech-creation. The concepts of a text, proposition and work are brought into correlation as applied to riddles as discourse formation. The precedent status of a riddle text is described.

Keywords: parable, riddle, pragmatical, cognitive, text, utterance.

Загадка — это, пожалуй, один из самых сложных для семантического анализа паремических жанров. Объективной основой проблем описания базовых семантических категорий и прагматических смыслов загадки является неопределённость её речевого и языкового статуса, тесно связанная с многообразием и противоречивостью выполняемых загадкой функций. С позиций когнитивно-прагматического подхода к описанию паремической семантики наиболее продуктивными нам кажутся следующие аспекты функционально-категориального статуса загадки: (1) выделение ведущей прагматической функции, которая определяет интенцию загадки, как первоначальный «замысел» её образования; (2) определение ведущей когнитивной функции, которая соответствует конкретным особенностям репрезентации элементов и структур этноязыкового сознания посредством паремических единиц; (3) выяснение категориальной сущности загадки в условиях трихотомии «язык — речь — произведение».

Ведущая прагматическая функция загадки выделяется в соответствии с выяснением её множественных и изменяющихся во времени коммуникативных назначений. Большинство исследователей загадок отмечают их полифункциональность, обусловленную тем, что со сменой ведущей коммуникативной функции менялась и прагматика данной разновидности паремий. В общих чертах данная функциональная эволюция загадки, описанная в трудах Г. Л. Пермякова, В. Н. Топорова, В. А. Лукина, Н. Б. Мечковской, И. А. Седаковой, С. М. Толстой, А. В. Насыбулиной, Т. В. Цивьян, Ю. И. Левиным и др., может быть представлена следующим образом:

1) первоначальное коммуникативное предназначение загадки — ритуально-магическое, а прагматика обусловлена необходимостью усвоения членами сообщества

«сакральной иерархии главных сущностей» [7, с. 237];

2) затем, в процессе взаимовлияния «праславянского наследия..., средневековой славянской книжности и через неё античной, библейской и восточной традиций» [13, с. 233] выделяется ведущая ритуально-игровая коммуникативная функция, которая определяет прагматику загадок как особого вербального акта диалогического характера, цель которого может, в зависимости от ситуации, определяться как обучение, развитие или организация досуга. При этом для определения прагматической функции загадки актуальна и двойственность её игровой природы: формально-ситуативная (диалог-состязание) и языковая (использование приёма языковой игры);

3) современное коммуникативное назначение загадки связано (1) с доминированием её дидактической функции, причём предмет обучения существенно изменился за последние столетия — современная загадка учит ориентироваться в общенаучных понятиях, а также является методическим приёмом закрепления изученного материала, в то время как собственно фольклорный период её бытования прошёл «под знаком» функции формирования образно-логического мышления; (2) с реализацией прецедентного потенциала не только конкретных текстов, но и стереотипной формы загадки, что ведёт к активному образованию паремических трансформов на базе данного паремического жанра [9, с. 163–166. 170–174].

Таким образом, прагматическая функция загадки определяется потребностью её использования в конкретных коммуникативных целях. При этом способность загадки «при сохранении части функций утрачивать другие, приобретая со временем новые» [6, с. 439], на наш взгляд, обусловлена тесной связью паремической прагматики с когнитивным основанием самой паремии.

Когнитивная функция загадки имеет определённую специфику на фоне общего понимания когнитивной функции языка. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «природа загадки связана с одним из фундаментальных свойств человеческого мышления — со способностью или умением человека видеть сходство и несходство разных предметов (явлений, событий) и на этой основе понимать связи предметов, их роды и виды, различать в окружающем мире общее, частное и особенное» [7, с. 319]. Подобную способность мышления можно было бы охарактеризовать как метафоричность, если бы не та подмеченная автором цитаты особенность, которую можно определить как стремление, в первую очередь, устанавливать парадигматическую сущность явлений, относящихся к неким макрокатегориям. Собственно же ассоциация как механизм «запуска» когнитивной метафоры есть элемент первоначальной метафорической категоризации явления, в то время как метафорика загадок реализуется лишь при условии наличия определённой сформированной способности видеть явление в его онтологической целостности и обусловленности системой. Как нам кажется, подобное понимание специфики метафорической природы загадки обусловлено своеобразной «преемственностью» ее магической и игровой функций, а стремление загадки найти общее в несопоставимом и является тем «рудиментом» ритуального назначения паремии, который изначально затрудняет разгадку. Действительно, разгадка сущности явления в рамках магического ритуала — процесс своеобразного посвящения в некие тайны, и доступ к ним не может быть простым и очевидным.

Следовательно, загадка — одна из древнейших разновидностей паремий, дискурсивная природа которой связана с «особым видом ритуально-игрового поведения, вербальным актом» [13, с. 233]. Игровая природа загадки — одна из самых ярких её черт, обусловивших как развитие жанра, так и особую роль, которую играют данные паремии в репрезентации элементов и структур этноязыкового сознания. Диалогическая форма, как нельзя лучше выражающая игровую сущность загадок, вместе с тем

является идеальной формой воплощения паремической единицы со сложным функциональным статусом. Попытка выделения всех аспектных функций загадки проблемна, поскольку, с одной стороны, необходим учёт всех основных прагматических функций паремий (только Г. Л. Пермяков выделяет семь ведущих прагматических функций паремий); с другой стороны, функциональная природа загадки, как уже было отмечено, характеризуется заметной спецификой, обусловленной когнитивной основой данного паремического жанра, а также сложностью и изменчивостью коммуникативного статуса загадки. При всём многообразии функций загадки следует отметить и тот факт, что не все выделяемые функции равнозначны в конкретный момент времени. Как отмечает В. А. Лукин, «и количество функций загадки и их иерархия нестабильны в диахронии» [6, с. 438], причину способности загадки хранить «в резерве» большой функциональный потенциал можно обнаружить как в высокой степени аморфности и неспецифицированности загадки, которые позволяют «использовать загадку без изменения её семантической структуры для новых и вновь возникающих целей» [6, с. 439], так и в самом принципе организации её смыслового пространства.

Данный принцип, на наш взгляд, определяется именно когнитивной функцией загадки — функцией производства нового знания с опорой на четко категоризованные в этноязыковом сознании элементы. Действительно, кодирующая часть загадки «оперирует» теми денотатами, содержательная сторона которых известна носителю языка в объеме всех её функций и свойств, актуальных для человека. Например, Телятки гладки привязаны к грядке. (Огурцы). [12, с. 106]; Стоит Мирон, полна голова ворон. (Овин). [12, с. 138], Два братца глядятся, а вместе не сойдутся. (Пол и потолок). [12, с. 35] и т. д.

Рассматривая загадку на фоне общего паремиологического пространства, следует отметить некоторые общие тенденции совпадения и спецификации прагматических функций загадок и других видов паремий. В первую очередь, для загадок актуальна моделирующая функция, характеризующаяся

Г. Л. Пермяковым как присущая «всем без исключения паремиологическим типам клише». Данная функция интерпретируется как способность задавать «словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации» [11, с. 36]. Подобное понимание моделирующей функции паремий требует отдельных комментариев для загадок, поскольку их способность репрезентировать ситуацию несколько отличается от аналогичной ситуации у пословиц как основных репрезентаторов стереотипных ситуаций. В частности, в ходе моделирования ситуации загадка опирается не на прототипические жизненные ситуации, а на вымышленные (потенциальные), произвольно соотносимые с потенциальными функциями денотата отгадки. Например, Четыре ноги, да не зверь, душа и тело, да не человек, есть перья, да не птица. (Кровать) [12, с. 52]. В приведённой загадке моделируется ситуация, когда человек сталкивается с денотатом, проявляющим метафорически описанные свойства. Данные свойства характеризуются с помощью приёма метафорического «отрицания», когда суть сопоставления заключается не в олицетворяющей метафоре, а в отрицании её возможности при наделении сущности «псевдосвойствами. Отсутствие в структуре загадки выраженного предиката всё же позволяет его «восстановить», исходя из “отрицаемого” метафорой образа: не зверь, так как “не бегаёт”, не человек, так как “не живёт”, не птица, так как “не летает”. В результате мы имеем дело с достаточно чёткой репрезентацией ситуации, но её характер сложно определить как типический. Типичным является как раз, то, что зверь бегаёт, человек живёт, а птица летает, в то время как загадка всем своим метафорическим потенциалом формирует образ статичный, «безрезультативный». Соответственно цель моделирования ситуации заключается не в её типизации, как у пословиц, а в демонстрации уникальности денотата, выдвигающегося из ряда других, с аналогичными признаками, но ситуативно, как раз... иначе обусловленных.

Поучительная или дидактическая функция паремий, присущая им как фольклорным

образованиям, заключается в общефольклорной «воспитывающей» традиции слова. Даже если паремия не содержит выраженной сентенции, она чему-то да учит: «одни знакомят с картиной мира, другие — с правилами поведения, третьи — с правилами мышления, четвёртые — с правильной артикуляцией звуков родного языка и т. д. Но все они обладают одним общим свойством — служить средством обучения каким-то нужным вещам» [11, с. 306]. При этом, дидактическая функция загадки имеет свою специфику — она обучает, не воспитывая, как пословица, не развивая конкретный произносительный навык, как скороговорка, не формируя обыденные представления о бытовых и природных закономерностях окружающего мира, как приметы, а развивая логически-образное мышление, способность образной категоризации, основанной на четком соотношении категориальных признаков предметов и явлений, наблюдаемых в реальности.

Не углубляясь в аспект сопоставления всех паремических функций загадки и других proverbial жанров, следует отметить, что одной из наиболее показательных для характеристики функционального потенциала загадки является образно-номинативная функция, помимо загадки присутствующая только у поговорки. Но если поговорка реализует свой образно-номинативный потенциал с помощью экспрессивной характеристики какого-либо качества, признака, например, Нам двоим на земле тесно [4, с. 257] — «враг», От иглы расторговался [4, с. 159] — «везучий / предприимчивый», Кормить завтраками [4, с. 372] — «бесконечно обещать» и т. д., то загадка осуществляет образную номинацию в процессе логического соотношения семантических признаков слова-отгадки и иносказательной части. Например: И стучиха, и брчиха, и четыре шумитихи. (Телега, колёса, лошадь). [12, с. 126]. В приведённой загадке номинируется культурный комплекс, каждый элемент которого переосмыслен с применением приёмов игры слов и словотворчества в соответствии с одним семантическим признаком — “издаваемый шум”, относящимся к периферии семантического поля отгадки. Аналогичный

пример загадки-вопроса: Кто ест сено без рта тремя зубами? (Вилы) [12, с. 142]. В данной загадке номинация осуществляется через сопоставление значимого для отгадки семантического признака — «форма» (зубы) и на фоне репрезентации элемента событийного фона (сено). Образная природа номинации заключается в использовании приёма олицетворения (ест).

Соответственно, основой большинства реализуемых функций является выражаемая загадкой логика — логика отбора признаков «совмещения» денотатов, логика выбора образной основы номинации, логика наделевания денотатов предикативными признаками и т. д. Так, В. Н. Топоров, характеризуя наиболее важные функции загадки, выделяет целый логико-прогностический блок, связанный с познанием и его логической структурой [15, с. 62], а Г. Л. Пермяков отмечает, что загадки, прежде всего, «учат думать». В аспекте характеристики этой общей логической функции чрезвычайно интересны положения, высказанные В. А. Лукиным относительно противоречивых способностей загадок различной структуры, которые не только «учат думать» или «думать не учат», но даже и «учат» не думать [6, с. 442–443]. Обозначая проблему определения статуса загадки как многоаспектную (собственно герменевтическую, функционально-речевую и лингвосемиотическую), учёный четко разделяет позиции анализа загадки: «загадка как проблема... существует с точки зрения получателя; с позиции исполнителя она — риторическое упражнение; с позиции наблюдателя — класс текстов (точнее говоря, семиотических объектов, которые могут и не быть текстами)».

В свете когнитивно-прагматического подхода актуальны все отмеченные позиции, поскольку активность трансформационных «упражнений» с загадками в современном дискурсе актуальна (1) в плане анализа когниции исполнителя (автора трансформаций), (2) с точки зрения получателя важен прагматический комплекс паремического смысла, поскольку именно он оказывает воздействие на адресата речи, а (3) позиция наблюдателя является традиционной для исследователя паремической семантики. Потому

оправданным кажется выделение образно-логической функции загадки, которая позволяет не только актуализировать важность совмещения таких ведущих паремических функций, как образно-номинативная и дидактическая, но и подчеркнуть неразрывность когнитивной и прагматической функций паремий. Действительно, в паремиях всё подчинено задаче формирования у носителей языка важных для членов сообщества стереотипов и привычек, поэтому паремии не просто учат что-либо делать, предпринимать в определённых обстоятельствах, но и мыслить в соответствии с зафиксированными в них логическими клише.

Таким образом, когнитивно-прагматическое описание функционального потенциала загадки опирается на следующие принципиальные положения: (1) признание статуса загадки-паремии как фольклорного изречения с ведущей образно-логической функцией; (2) отграничение фольклорных загадок от архаичных и учебных, а также от современных трансформов, которые, по мнению их исследователей, существенно «меняют специфику жанра собственно загадки» [9, с. 151]; (3) признание полифункционального статуса загадки наряду с выделением ведущих функций, актуальных для когнитивно-прагматического описания, — логически-образной когнитивной функции и прагматической функции инкультурации через формирование системных представлений о мироустройстве с позиций национальной культуры.

Проблема определения категориальной сущности загадки в условиях трихотомии «язык — речь — произведение» также отмечается многими исследователями данного паремического жанра. В работах Г. Л. Пермякова, В. Н. Топорова, В. А. Лукина, М. М. Бахтина, С. Я. Сендеровича и др., мы обнаруживаем аргументы в пользу того положения, что большинство разновидностей загадок могут претендовать на статус текста. При этом отмечаются их (1) формальная специфика, (2) диалогическая форма, (3) воспроизводимость, (4) гиперорганизация, (5) двухчастность, (6) описательный характер и т. д. Важным кажется и положение о сложном текстовом статусе, обоснованное

В. А. Лукиным, который полагает, что далеко не все загадки могут претендовать на статус текста, поскольку вопросная часть одних обладает текстовой семантикой и поддается интерпретации, что и позволяет создать произведение (получить отгадку), а иные загадки не обладают текстовой семантикой вовсе, поскольку их вопросная часть не может быть логически интерпретирована. Между текстовыми и нетекстовыми загадками В. А. Лукин обнаруживает ещё «неопределённо большое множество промежуточных случаев» с отсутствующей «общетекстовой мотивировкой» [6, с. 443–444].

Как нам кажется, ещё один ключ к пониманию статуса загадки лежит в разрешении проблемы соотношения категорий текста и высказывания. Так, М. Бахтин в своём понимании высказывания обращает внимание именно на его когнитивный потенциал: «Высказывание никогда не является только отражением или выражением чего-то, вне его уже существующего, данного и готового. Оно всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т. п.). [2, с. 320]. Подобное понимание сущности высказывания как нельзя лучше подходит для понимания общепаремической природы и для подтверждения её речевого статуса. Действительно, паремия как дискурсивное образование, на наш взгляд, являет собой образование, воплотившее все свойства трихотомии «язык — речь — произведение», поскольку она явлена, во-первых и как модель (языковое образование) в том понимании модели, которое обосновал ещё А. Ф. Лосев [5, с. 255–256] и в соответствии с которым паремия как модель — это выделенная единица с системными признаками, характерными для оригинала (прототипической формы); во-вторых и как единица дискурса (с учетом понимания паремии как репрезентатора дискурсивных знаний, то есть знаний «открытого формата, по информационному объёму значительно превосходящего собственно языковой» [1, с. 48]); и, в-третьих, как речевое произведение с прецедентным статусом. Применительно к последнему утверждению интересна точка зрения В. А. Лукина,

который определяет произведение как «такой этап интерпретации текста, который характеризуется относительной законченностью и активизацией обратных связей ТЕКСТ ← ИНТЕРПРЕТАЦИЯ». Аргументом в пользу признания загадки не просто высказыванием, а полноценным речевым произведением, учёный считает наличие у загадки «эксплицитного ключевого знака интерпретации» — отгадки; и это, на его взгляд, свидетельствует о том, что «текст управляет произведением и ... тексту загадки принадлежит столько произведений, сколько у неё имеется отгадок» [6, с. 441–442]. Нам близко подобное понимание загадки, поскольку, это позволяет логически «увязать» её прецедентный и текстовый статус, что согласуется с пониманием паремий вообще как прецедентных текстов — воспроизводимых культурно значимых единиц с дискурсивно обусловленным значением.

Таким образом, в качестве объекта когнитивно-прагматического описания загадка понимается нами как паремический жанр, представляющий собой вопросно-ответную конструкцию (в широком понимании вопроса как формулировки, требующей детальной интерпретации), обладающую полифункциональностью в пределах выделяемого ведущего коммуникативного назначения и характеризующуюся свойствами (1) высказывания (на уровне когнитивной обусловленности смысла), (2) текста (в плане выделения темы и ремы, сюжетной образной характеристики и т. д.) и произведения (как эксплицитной реализации текста). Ведущей когнитивно-прагматической функцией загадки является образно-логическая — функция формирования в сознании носителя языка логических клише, наполненных традиционными для культуры образами в их нетипичной, «метафорически-творческой» роли. Применительно к задачам семантического описания загадки актуальны все её категориальные признаки, важнейшим из которых, на наш взгляд, является статус речевого произведения, что согласуется с общим пониманием паремиологического фонда как дискурсивно активной области, представленной набором прецедентных моделей во всём многообразии их функционально-семантических реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297–325
3. *Бохонная М. Е.* Единицы «вещного» мира в среднеобской загадке: традиционное и современное. <http://www.ruthenia.ru/>
4. *Зимин В. И.* Пословицы и поговорки русского народа: Большой объяснительный словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 590 с.
5. *Лосев А. Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей / Под ред. И. А. Василенко. М.: Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
6. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Издательство «Ось-89», 2005. 560 с.
7. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. Лекции по филологии истории религий. М.: Изд-во ГРАНД, 1998. 352 с.
8. *Митрофанова В. В.* Русские народные загадки. Л.: Наука, 1978. 180 с.
9. *Насыбулина А. В.* Загадка // Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения. Под ред. Т. Г. Никитиной. Псков: ПГПУ, 2008. 256 с.
10. *Пермяков, Г. Л.* От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М.: Наука, 1970. 240 с.
11. *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Языковая природа афоризма (очерки и изречения): Пособие / Составитель Е. Е. Иванов. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. С. 297–320.
12. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 335 с.
13. *Седакова И. А., Толстая С. М.* Славянские древности: Этнолингвистический словарь по ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 233–237.
14. *Сендерович С. Я.* Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
15. *Топоров В. Н.* Из наблюдений за загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.

REFERENCES

1. *Alefirenko N. F.* Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigim: Monografija. M.: ООО Izd-vo «Elpis», 2008. 271 s.
2. *Bahtin M. M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza // Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986. S. 297–325
3. *Bohonnaja M. E.* Edinicy «veshchnogo» mira v sredneobskoj zagadke: tradicionnoe i sovremennoe. <http://www.ruthenia.ru/>
4. *Zimin V. I.* Poslovice i pogovorki russkogo naroda: Bol'shoj objasnitel'nyj slovar'. Rostov n/D.: Feniks, 2008. 590 s.
5. *Losev A. F.* Vvedenie v obshchuju teoriju jazykovyh modelej / Pod red. I. A. Vasilenko. M.: Editorial URSS, 2010. 296 s.
6. *Lukin V. A.* Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskij minimum. M.: Izdatel'stvo «Os'-89», 2005. 560 s.
7. *Mechkovskaja N. B.* Jazyk i religija. Lekcii po filologii istorii religij. M.: Izd-vo GRAND, 1998. 352 s.
8. *Mitrofanova V. V.* Russkie narodnye zagadki. L.: Nauka, 1978. 180 s.
9. *Nasybulina A. V.* Zagadka (glava kollektivnoj monografii) // Russkie paremii: novye formy, novye smysly, novye aspekty izucheniya / Pod red. T. G. Nikitinoj. Pskov: PGPU, 2008. 256 s.
10. *Permjakov G. L.* Ot pogovorki do skazki. Zametki po obshej teorii klishe. M.: Nauka, 1970. 240 s.
11. *Permjakov G. L.* K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda // Jazykovaja priroda aforizma (ocherki i izrechenija): Posobie / Sostavitel' E. E. Ivanov. Mogil'jov: MGU im. A. A. Kuleshova, 2001. S. 297–320.
12. *Sadovnikov D. N.* Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 1960. 335 s.
13. *Sedakova I. A., Tolstaja S. M.* Slavjanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar' / Pod red. N. I. Tolstogo. M., 1999. T. 2. S. 233–237
14. *Senderovich S. Ja.* Morfologija zagadki. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2008. 208 s.

15. Toporov V. N. Iz nabljudenij za zagadkoj // Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. Zagadka kak tekst. M.: Indrik, 1994. S. 10–117.

Ю. С. Арсентьева

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению фразеологизмов-эвфемизмов в английском и русском языках. Рассмотрению подлежат степень изученности лексических и фразеологических эвфемизмов в отечественном и зарубежном языкознании, социальный, психологический и лингвистический аспекты эвфемии, характерные особенности фразеологических эвфемизмов. Представлены наиболее типичные фразеосемантические группы изучаемых единиц в двух сопоставляемых языках.

Ключевые слова: эвфемизмы, фразеологизмы-эвфемизмы, аспекты эвфемии, фразеосемантические группы, сопоставительный анализ.

Y. Arsenyeva

EUPHEMISMS AND ASPECTS OF THEIR INVESTIGATION IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The article is devoted to the analysis of phraseological euphemisms in the English and Russian languages. The level of investigation of lexical and phraseological euphemisms in Russian and foreign linguistics, social, psychological and linguistic aspects of euphemisms, the typical features of phraseological euphemisms have been described. The most typical phrase-semantic groups of the units studied in the two languages are presented.

Keywords: euphemisms, phraseological euphemisms, aspects of euphemisms, phrase-semantic groups, contrastive analysis.

Термин эвфемизм (от греческого «eu» — «хорошо», «rhemí» — «говорю») со времен древних греков употребляется для обозначения стилистического тропа, играющего роль словесного смягчения. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова эвфемизм определяется как «Слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное, например «неумный» вместо «дурак»» [5, с. 831]. Создатели «Лингвистического энциклопедического словаря» относят к эвфемизмам «...эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными». В словаре также дается определение дисфемизма, под которым понимается «замена эмоционально и

стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным и т. п.» [4, с. 590]. Подобную трактовку термина эвфемизм находим и в современных словарях, созданных в англоговорящих странах. Так, например, в «Кембриджском интернациональном словаре английского языка» термин «euphemism» определяется следующим образом: «(the use of) a word or phrase used to avoid saying another word or phrase that is more forceful and honest but also more unpleasant or offensive» [8, с. 471]. В «Новом Оксфордском тезаурусе английского языка» находим следующее определение термина: «Polite term, substitute, mild alternative, indirect term, understatement, underplaying, softening, politeness, genteelism, coy term» [13, с. 322].

Таким образом, в целом эвфемизм является заменой слова или выражения грубого,